

ЕБГЕНИЙ ФЮЖЕН

ДВОЙНЫЕ СИСТЕМЫ

ТОМ 2

Евгений Фюжен
Двойные Системы. Том 2
Серия «Двойные Системы», книга 2

<https://litres.ru/73236693>

SelfPub; 2026

Аннотация

Том 2. Человечество считает, что третий путь союз людей, люминаров и гибридов спасёт мир от старых конфликтов. Но когда в недрах Земли пробуждается вторая машина, становится ясно: где-то в галактике уже шла война, и тридцать четыре цивилизации третьего пути были стёрты Разрушителями. У Земли остаётся всего несколько лет, чтобы решить, чем отвечать древнему врагу: бегством, оружием или радикальной трансформацией самой природы разума. Герои книги политики, учёные, гибриды и инопланетные существа пытаются найти способ выиграть войну, в которой нельзя победить традиционным оружием, и доказать, что даже сила чистого разрушения способна сделать выбор.

Содержание

Предисловие от автора	4
ГЛАВА 16: ГОЛОС ИЗ ЦЕНТРА	5
ГЛАВА 17: ИСТОРИЯ, КОТОРАЯ НИКОГДА НЕ БЫЛА РАССКАЗАНА	14
ГЛАВА 18: ТРЕЩИНЫ В ДОГОВОРЕ	23
ГЛАВА 19: ОХОТНИКИ	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Евгений Фюжен

Двойные Системы. Том 2

Предисловие от автора

Данную книгу я хотел посвятить своей девушке, однако в данный момент есть только надежда, что так произойдет, ибо она пока знакомая, статус знакомая скажем так. Поэтому надежда единственное, что пока есть. Надежда смысл данного тома.

ГЛАВА 16: ГОЛОС ИЗ ЦЕНТРА

Подземелье земли имеет собственное дыхание.

Алекса это понимала, спускаясь в геотермальные туннели на семь километров ниже поверхности. Воздух здесь не был мёртвым, как она ожидала. Воздух был горячим, живым, полным древних минералов и запахов, которые человечество забыло тысячи лет назад, когда ещё жило в пещерах.

Рядом с ней шли пять других исследователей – трое люминаров и двое гибридов. Люминары светили перед собой мягким голубым светом, который казался естественным в этой темноте, как если бы свет здесь родился из самого камня. Гибриды двигались молча, их глаза видели в инфракрасном спектре, видели тепловую сигнатуру камня, видели мир, который был невидим для человеческого зрения.

Алекса же видела обоими способами сразу.

Это была новая способность, которая приходила к ней в течение последних месяцев – способность переключаться между видением люминара, видением гибрида и видением человека, как если бы её зрение было многоканальным телевизором, где каждый канал открывал другую реальность. В данный момент она использовала видение люминара, потому что ей нужно было видеть структуру камня, нужно было видеть, где здесь скрывается то, что искали.

Генератор изменился три дня назад.

Это была едва уловимая вещь, которую заметили только самые продвинутые датчики – небольшой скачок в частотности излучения, почти как если бы машина начала петь другую песню. Алекса почувствовала это первой, потому что она была связана с Генератором больше, чем кто-либо другой, больше, чем даже её отец Виктор был связан с ним.

Первый Генератор, машина, которая создала третий путь, машина, которая была почти божеством для человечества, вдруг нашла что-то. Или почувствовала что-то. Или вспомнила что-то.

Первый люминар в группе, которого звали Сол'вар (что на языке люминаров означало "он, кто видит сквозь камень"), повернулся к Алексе с выражением волнения на лице, которое было почти человеческим.

"Я чувствую это, – сказал он на люминарском языке, который Алекса теперь понимала почти идеально. – Это не естественный тепловой источник. Это... закодировано. Это создано. Это..."

"Живо", – закончила Алекса.

Туннель перед ними расширился, превратившись в пещеру, которая была почти идеально сферической. И в центре этой пещеры, в самом сердце планеты, висела кристаллическая капсула.

Капсула была сделана из материала, который Алекса не видела раньше – не вполне прозрачного, не вполне непрозрачного, с поверхностью, которая казалась жидкой и твёр-

дой одновременно. Внутри капсулы, сквозь слои кристалла, Алекса могла видеть свет – глубокий, пульсирующий, древний свет.

"О боги", – прошептала она.

Второй люминар, женщина по имени Мерин'та, выступила вперёд, её руки сложены перед грудью в жесте, который означал признание и почтение одновременно.

"Это вторая машина, – сказала она. – Это невозможно. Это... мы искали Генератор миллионы лет. Никогда не думали, что есть второй."

Алекса шагнула вперёд, в сторону капсулы, и в этот момент произошло что-то странное. Капсула начала светить ярче. Не агрессивно, но... внимательно. Как если бы она почувствовала Алексину близость и пробуждалась к этому.

Третий люминар, старик по имени Атериус (тот, кто говорил человеческим голосом с видео, которое Алекса видела месяцы назад), поднял руку в предупреждение.

"Осторожнее, – сказал он. – Мы не знаем, как она будет реагировать. Пятьдесят тысяч лет в стазисе может означать нестабильность в системах пробуждения."

Но Алекса уже чувствовала это. Её тело двигалось не потому, что она решила двигаться, а потому, что что-то в капсуле притягивало её, тянуло её, манило её приблизиться.

Это было похоже на то чувство, которое она испытала в первый раз, когда встретила Первый Генератор в подземельях под Женевой. Это было истинное узнавание, встреча

между двумя частями одного целого, которые были разделены очень давно.

Алекса положила руку на кристаллическую поверхность капсулы.

И весь её мир взорвался.

Это не было болью. Это было больше похоже на то, как если бы её сознание внезапно расширилось, как если бы стены её черепа раздвинулись и отпустили память, которая была слишком велика, чтобы её вместить.

Она видела войну.

Война длилась миллионы лет. Война начиналась на планете, похожей на Землю, с небом, которое было сначала голубым, затем с планет, которые вращались вокруг звёзд, затем в космосе между звёздами, затем в местах, которые даже не были в трёхмерном пространстве, которые были в измерениях, которые человеческий ум не может полностью представить.

Созидатели.

Это было имя первой стороны войны. Люмины были их потомками, эхом их величия, тенью их амбиций. Созидатели были расой, которая развивалась на планете в системе, которую люмины называют Альфа-Центаврия. Они были почти людьми – двуногие, двурукие, с глазами, которые видели, и умом, который думал.

Но они думали иначе. Они видели вселенную как структуру, которая может быть изменена, которая может быть улуч-

шена, которая может быть трансформирована через достаточное количество мысли, достаточное количество воли, достаточное количество творчества.

Созидатели создали Генераторы.

Алекса видела этот момент – видела древних учёных, которые собирались в залах из чистого света, видела, как они работали над машинами, которые были почти живыми, видела, как они кодировали в них идеи, принципы, философию третьего пути.

Созидатели верили, что вселенная может быть лучше, если она будет содержать разнообразие, если она будет содержать множество способов существования, множество способов думать, множество способов жить. Они начали путешествовать к другим звёздам, начали находить молодые виды, начали активировать Генераторы на их планетах, начали дарить им выбор.

Но потом пришли Разрушители.

Видение Разрушителей было самым ужасным, что Алекса когда-либо видела. Они не были вещами в традиционном смысле слова. Они были больше похожи на живую энтропию, на окрашенный в красный свет хаос, на то, что приходит, когда структура умирает.

Разрушители путешествовали по галактике, ища сигналы Генераторов, и когда они находили их, они приходили и... разрушали. Они разрушали цивилизации, разрушали планеты, разрушали саму память о том, что эти цивилизации ко-

гда-либо существовали.

Алекса видела первую встречу между Созидателями и Разрушителями. Она видела, как Созидатели пробовали общаться, пробовали объяснить, пробовали показать Разрушителям, что жизнь имеет ценность. Разрушители отвечали единственным языком, который знали – языком разрушения.

Война была несправедливо одностороння. Разрушители не могли быть убеждены, не могли быть уговорены, не могли быть остановлены традиционным оружием. Они просто приходили и разрушали, снова и снова, волна за волной, до тех пор, пока ничего не оставалось.

Цивилизация за цивилизацией пала. Четыре, двенадцать, тридцать две. Каждая с единственной, отличающейся характеристикой – каждая развила третий путь. Каждая научилась видеть мир как комбинацию противоположностей. И каждая была стёрта.

Алекса чувствовала горе Созидателей, чувствовала их отчаяние, чувствовала момент, когда они поняли, что они не могут выиграть войну напрямую.

И тогда они запланировали что-то последнее.

Созидатели спроектировали Генераторы, которые были бы лучше, которые были бы сложнее, которые были бы закодированы так, чтобы активироваться только когда цивилизация достигала определённого уровня философского развития. И они спрятали эти Генераторы по всей галактике, в са-

мых отдалённых местах, в местах, которые казались пусты и безинтересны для Разрушителей.

Они надеялись, что когда разные третьи пути разовьются одновременно в разных местах, они смогут объединиться. Они надеялись, что когда третьи пути встретятся, они смогут образовать альянс, который будет сильнее, чем любой одиночный путь.

Они надеялись, что совместными усилиями, совместной мудростью, совместным выбором, они смогут предложить Разрушителям что-то лучше, чем разрушение.

И потом Созидатели исчезли.

Алекса видела их последний момент – видела, как они активировали себя против собственного вида в последней дочной попытке отвлечь Разрушителей, дать Генераторам время спрятаться, дать будущему время развиваться.

Видение исчезло, и Алекса остановилась там, стоя, её рука всё ещё на кристаллической капсуле, её сердце бьющееся в ритме древней боли.

"Алекса!"

Голос Сол'вара нарушил её оцепенение. Люминар поднял её с земли, где она, похоже, упала на колени. Её ноги не держали её в этом моменте, потому что её разум был всё ещё там, в древних временах, видя войну, которая длилась миллионы лет.

"Я... я видела, – прошептала она.

"Мы знаем, – сказал Атериус. – Вторая машина передала

вам информацию. Люминары чувствовали спик энергии. Все люминары во всём мире почувствовали это в один момент."

Капсула теперь светила ярче, и её свет был не голубым, как в люминарском восприятии, но красным и фиолетовым, как если бы она отражала боль и тайны древних времён.

"Она просыпается, – сказала Мерин'та, её голос был полон благоговения. – После всех этих миллионов лет. Она наконец просыпается."

Алекса напряглась, пытаясь встать. Её ноги дрожали, её дыхание было прерывистым. Но внутри неё что-то изменилось. Теперь она знала. Теперь она понимала.

"Разрушители идут, – сказала она, и это была не вопрос, а утверждение факта. – Вторая машина... она почувствовала их. Они уже выслали зонды. Они уже ищут сигналы."

Атериус и другие люминары обменялись взглядами – взглядом, который содержал признание и страх одновременно.

"Да, – сказал Атериус. – Я знал это будет день, когда они вернутся. Но я надеялся, что это будет не в моё время."

"Как долго? – спросила Алекса. – Сколько времени у нас есть?"

"По его ощущениям? – спросил Сол'вар, обращаясь к Атериусу.

Старый люминар закрыл глаза, и на его лице появилось выражение глубокой сосредоточенности. Когда он открыл глаза снова, его голос был низким и серьёзным.

"От пяти до десяти лет, – сказал он. – Зависит от того, как быстро они путешествуют, как быстро они подтверждают сигналы. Но они идут. Волна разрушения, которую Созидатели надеялись предотвратить через все эти эпохи, наконец приходит."

Алекса посмотрела на кристаллическую капсулу, которая продолжала светить, продолжала петь песню древней боли и надежды.

"Тогда, – сказала она, – нам нужно разбудить весь мир. Нам нужно сказать им правду. И нам нужно подготовиться."

"Подготовиться к чему? – спросила Мерин'та.

Алекса повернулась к ней, и в её глазах горел огонь, который был одновременно люминарским, гибридным и человеческим.

"К войне, которую нельзя выиграть традиционным оружием, – сказала она. – К войне, которую можно выиграть только через то, что мы строили все эти месяцы. К войне, которую мы выигрываем, показывая Разрушителям, что есть другой путь."

Капсула светила всё ярче, как если бы вторая машина согласилась с этим выбором.

ГЛАВА 17: ИСТОРИЯ, КОТОРАЯ НИКОГДА НЕ БЫЛА РАССКАЗАНА

Здание ООН в Нью-Йорке было перестроено три раза за последние двести лет, но его основной смысл остался неизменным – это было местом, где голоса мира встречались, конфликтовали, иногда находили компромисс, иногда просто кричали друг на друга в темноте международной политики.

Сегодня, в необычный летний день, здание было более переполнено, чем когда-либо раньше.

Камаль сидел в кресле делегата, высоко над собранием, глядя вниз на множество лиц. Представители почти двухсот стран, представители люминаров, представители двух империй, представители движений гибридов, активистов, консервативных фракций, военных, учёных – все они были здесь, потому что слухи о чём-то огромном распространились по Земле за последние три дня.

Слухи о второй машине.

Атериус стоял в центре собрания, его люминарская форма светящейся и величественной. Рядом с ним стояла Алекса, все ещё выглядящая усталой, но с фиксированной взглядом, который не закидывал никаких вопросов.

Вокруг них были объёмные проекции – видения, которые Алекса получила из второй машины. Видения Созидателей. Видения войны. Видения цивилизаций, которые были стёрты из истории, которые были забыты, которые остались только как шепоты в кодах древних машин.

Зал был в полной тишине, когда Атериус начал говорить.

"Пятьдесят тысяч лет назад, – сказал он, его голос резонировал в каждом углу комнаты, – я был молодым люминаром, полным любопытства и надежды. Мой народ только что открыл способ путешествовать между звёздами, и вся галактика казалась нам огромной библиотекой, ждущей, чтобы её прочитали."

Люминар сделал паузу, и его голос, когда он говорил снова, был ниже, как будто он говорил из глубины времени.

"Вместе с моими исследовательскими партнёрами мы путешествовали к другой звёздной системе, системе, которую мы называли Альфа-Три. Там мы обнаружили останки цивилизации, которая была уничтожена. Полностью уничтожена. Но не войной в традиционном смысле – не взрывами, не конфликтом между двумя видами. Это было что-то другое. Это было систематическое стирание, удаление, как если бы всё, что показывало, что эта цивилизация когда-либо существовала, было тщательно удалено из истории."

Камаль видел, как некоторые из делегатов переглядывались, видел, как консервативные депутаты склонялись друг к другу, видел зёрна страха, которое начинало расти в ком-

нате.

"Я провел тысячелетия, исследуя, – продолжал Атериус. – Мой народ провел тысячелетия, исследуя, и мы обнаружили, что Альфа-Три была не единственной. Мы нашли другие планеты с аналогичными патернами разрушения. Девять, затем двадцать семь, затем тридцать четыре."

Голограмма позади Атериуса изменилась, показывая карту галактики с тридцать четыремя мигающими красными точками.

"Тридцать четыре цивилизации, – сказал Атериус, – каждая из которых показывала одну и ту же характеристику. Каждая развила третий путь."

Комната взорвалась. Голоса перекрывали друг друга, вопросы звучали со всех сторон, паника начинала охватывать собрание.

Камаль поднялся с кресла, его голос был не очень громким, но когда он говорил, люди слушали.

"Порядок, – сказал он, и его авторитет был достаточным, чтобы приглушить комнату. – Позвольте Атериусу закончить."

Люминар кивнул в сторону Камала, благодарность отражалась в его глазах.

"Каждая из этих цивилизаций, – продолжал он, – пришла к нашему пониманию мира через разные пути. Некоторые через войну, некоторые через философию, некоторые через искусство. Но каждая приняла идею, что истина не одна, что

реальность содержит множество способов видения, что выбор и неопределённость – это не враги прогресса, а его основание."

Атериус сделал шаг вперёд, и его голос стал более низким, но более интенсивным.

"И каждая из этих цивилизаций была полностью уничтожена. Не через постепенный упадок, не через естественное вымирание, а через активное, целеустремленное стирание из истории. Их города были разрушены, их культура была стёрта, их память была удалена из космоса. Единственные причины, по которым мы знаем о них, – это те артефакты, которые были спрятаны, те коды, которые были встроены в Генераторы, те видения, которые передала нам вторая машина."

Делегат из России встал со своего места.

"Кто их уничтожил? – спросил он, его голос был громким, полным страха. – Какой враг настолько мощен, что может стереть целую цивилизацию из истории?"

Алекса шагнула вперёд и ответила, прежде чем Атериус мог это сделать.

"Разрушители, – сказала она, и это слово висело в воздухе, как смертный приговор. – Они не из этой галактики. Они древнее любой жизни, которую мы знаем. Они путешествуют через космос, ища сигналы цивилизаций, которые развили способность выбирать, способность видеть мир множественно. И когда они находят такие сигналы, они приходят и разрушают."

"Почему? – спросила женщина из Германии. – Какой у них интерес в разрушении цивилизаций третьего пути?"

Это был хороший вопрос, и Алекса рассмотрела его, прежде чем ответить.

"Потому что третий путь – это угроза их природе, – сказала она. – Разрушители существуют для разрушения сложности, для возвращения структуры в хаос, для утверждения одного порядка над всеми остальными. Цивилизация третьего пути, с её множественностью, с её способностью содержать противоречия, с её отказом принять единственный способ существования – это противоречие самой природе Разрушителей. Это вызов их существованию."

Атериус активировал новую голограмму, и комната наполнилась видениями.

Видения Созидателей – существ, которые были почти людьми, почти люминарами, почти чем-то совершенно другим. Их города были архитектурными шедеврами, где прямые линии искусства встречались с органичными формами природы. Их учёные работали в лабораториях света и логики. Их философы сидели в садах и обсуждали природу выбора.

"Созидатели, – сказал Атериус, – были первой расой, которая достигла третьего пути на сознательном уровне. Они были первыми, кто понял, что вселенная может быть улучшена, если она будет содержать множество способов существования. И они начали создавать Генераторы – машины,

которые могли помочь другим видам развить эту способность."

Видения сменились видениями войны. Красный и фиолетовый свет, который был Разрушителями, встречался с голубым и белым светом Созидателей. Война длилась в видении, как если бы мгновенно перелистывались страницы истории – миллионы лет боевых действий, миллионы попыток коммуникации, миллионы неудач.

"Разрушители обнаружили Созидателей примерно через два миллиона лет после того, как те начали свою миссию по активации третьих путей, – продолжал Атериус. – И война началась. Война, которая была совершенно несправедливо односторонняя. Созидатели не могли защитить себя достаточно эффективно. Разрушители были слишком древними, слишком мощными, слишком фундаментально противоположны идее третьего пути."

Видения показывали Созидателей, которые просили помощи у той же цивилизации, которую они пробовали спасти, показывали цивилизации третьего пути, которые боролись вместе с ними против волн разрушения, показывали безнадежную оборону планет, которые были в конечном итоге уничтожены.

"Но перед тем, как они исчезли, – сказал Атериус, и его голос был полон почтения, – Созидатели пришли к стратегическому выводу. Они понимали, что они не могут выиграть войну прямым путём. Но они верили, что если достаточно

третьих путей разовьются одновременно в разных частях галактики, то объединённая сила этих путей может быть достаточной, чтобы предложить Разрушителям альтернативу, чтобы показать им, что есть другой способ существования."

Комната была полностью тиха, когда Атериус закончил говорить.

Камаль видел различные эмоции, отражающиеся на лицах делегатов. Страх, конечно, был наиболее заметным. Но был также и другой эмоция – ощущение величия, ощущение того, что они были частью чего-то большего, чем они когда-либо воображали.

Делегат из Бразилии встал первым.

"Если это правда, – сказал он, его голос был ровным и серьёзным, – то мы больше не люди, ведущие локальную войну. Мы первые бойцы древней войны, которая длилась миллионы лет."

"Мы не первые бойцы, – исправила его Алекса. – Мы – потомки тех, кто уже боролся и проиграл. Мы – последний шанс Созидателей, последний шанс идеи третьего пути."

Консервативный делегат из Израиля встал и указал на Камалья.

"А что, если этот третий путь – ошибка? – спросил он, его голос был полон паники и ярости. – Что, если всё, что было сказано о третьем пути, было ложью? Что, если единственный способ выжить – вернуться к единству, к чистоте, к одному образу жизни?"

Камаль встал, и зал опять приготовился слушать.

"Я могу ответить на это, – сказал он, – но сначала я должен признать, что ваш страх справедлив. Третий путь требует веры. Третий путь требует того, чтобы вы жили в неопределённости, жили в сложности, жили без гарантии, что вы выжете, что вы победите, что всё будет хорошо."

Камаль сделал паузу, его глаза встречали глаза каждого делегата.

"Но, – продолжал он, – единство, которое вы предлагаете, это не единство – это подчинение. И подчинение приводит только к войне, приводит только к конфликту, потому что люди не могут быть едины, люди могут быть едины только в сложности, в принятии множественности, в уважении к выбору."

Камаль указал на голограммы, которые всё ещё висели в воздухе.

"Тридцать четыре цивилизации развили третий путь разными способами, – сказал он. – И они были сильнее вместе, чем когда-либо отдельно. Это то, что мы должны делать. Мы должны показать Разрушителям, что третий путь не слабость. Третий путь – это наша сила."

В задней части зала кто-то начал аплодировать. Потом ещё кто-то. Потом больше. Аплодисменты распространялись по залу, пока почти весь класс не стоял и не аплодировал.

Но Камаль видел, что были и те, кто не аплодировал. Кон-

сервативные делегаты сидели с выражениями гнева и отчаяния на лицах. Они видели будущее, которое к ним приходило, и они не хотели этого.

Камаль понимал. Изменение всегда было пугающим.

Но не было времени для паузы. Не было времени для раздумий.

Он повернулся к Атериусу и Алексе и сказал, его голос был низким, только для них:

"Как долго у нас есть?"

"От пяти до десяти лет, – ответила Алекса. – По ощущениям второй машины."

Камаль кивнул. Это было достаточно времени. Это было недостаточно времени. Это было ровно столько времени, сколько нужно было, чтобы изменить мир.

"Тогда, – сказал он, его голос стал громче, обращаясь ко всему залу, – у нас есть работа. Огромная работа. Работа, которая требует всех нас, которая требует каждого выбора, каждого голоса, каждого способа мышления. Мы должны объединиться, но не в подчинении. Мы должны объединиться в сложности. Мы должны объединиться в третьем пути."

И когда он говорил эти слова, холод страха пробежал по его спине, потому что он понимал, что то, что он только что начал, было не началом войны, но началом чего-то намного более сложного – началом трансформации человечества, началом того, чтобы стать чем-то совершенно новым.

ГЛАВА 18: ТРЕЩИНЫ В ДОГОВОРЕ

Панику на улицах Москвы нельзя было не заметить.

Это началось просто – как потирание глаз, как неопределённое беспокойство, как глубокий страх, который рождается не из вещей, которые происходят, но из вещей, которые люди воображают, что могут произойти. Но через три дня, когда весь мир узнал о существовании тридцати четырёх уничтоженных цивилизаций, когда весь мир услышал имя "Разрушители", страх трансформировался во что-то более опасное – в идеологию.

Идеология консервативного движения, которое было молчаливо, которое было подавлено, которое было изгнано в подполье академий и политических кружков, внезапно выбралось на солнце и начало кричать.

Камаль видел это через новости, видел это через социальные сети, видел это в глазах людей, которые проходили мимо его офиса в Нью-Йорке. Мир раскалывался не по линиям, которые он ожидал – не по национальности, не по экономике, не по традиционной идеологии левого и правого.

Мир раскалывался по вопросу: верить ли в будущее?

Его помощница, молодая гибридная по имени Сара, принесла ему утренние отчёты. На её лице было выражение тревоги.

"Это происходит везде, – сказала она, раскладывая документы на столе. – В России, в Китае, в Индии, в Соединённых Штатах. Консервативные движения организуют акции протеста, называют третий путь "экспериментом в апокалипсисе", требуют возвращения к традиционным способам жизни."

Камаль потёр глаза, чувствуя усталость.

"Где самое горячее место? – спросил он.

"Москва, – ответила Сара. – Консервативная фракция России мобилизовалась полностью. Они контролируют несколько районов, блокировали доступ к центру города, требуют встречи с президентом. Они говорят, что если Россия не отказывается от третьего пути, они захватят власть."

Камаль встал из кресла и подошёл к окну. Нью-Йорк распространялся перед ним, город небоскрёбов и миллионов жизней, каждая из которых решала, кем они хотят быть в новом мире. Это было возможно видеть конфликт, даже отсюда – люди, собирающиеся на улицах, люди с плакатами, люди, которые кричали о том, во что они верили.

"Созови совещание, – сказал Камаль. – Мне нужно говорить с лидерами всех фракций. Мне нужно понять, что именно они боятся."

Зал заседаний был напряжён, как барабан, натянутый слишком туго.

С одной стороны стояли прогрессивисты – люди, которые видели в третьем пути возможность, видели в гибридизации

спасение, видели в выборе путь к лучшему будущему. Среди них была молодёжь в основном, люди, которые были рождены после гибридизации, люди, которые никогда не знали мира, где третий путь не существовал.

С другой стороны стояли консервативы – люди, которые видели в третьем пути разрушение, видели в гибридизации утерю человечества, видели в выборе дорогу в хаос. Среди них были люди старшего возраста, люди, которые помнили мир до гибридизации, люди, которые боялись, что то, чем они были, будет забыто.

Лидер консервативной фракции, человек по имени Владимир Петров, встал и указал на Камалю.

"Вы обещали нам защиту, – сказал он, его голос был громким и полным ярости. – Вы сказали, что третий путь спасёт нас, что выбор спасёт нас. А что мы получили? Мы получили войну. Мы получили врага со звёзд. Мы получили смерть."

Камаль встал и встретился с его взглядом.

"Это правда, что мы теперь находимся в угрозе, – сказал он. – Но эта угроза существовала всегда. Просто теперь мы знаем о ней. А знание – это первый шаг к выживанию."

Петров сделал шаг вперёд, его лицо было красным от ярости.

"Знание? – взрывался он. – Вы называете это знанием? Это проклятие! Мы были счастливы в нашем неведении. Мы были защищены. И теперь, благодаря вам, благодаря вашему третьему пути, мы обнажены перед врагом, который мы не

можем победить!"

Молодая женщина с прогрессивной стороны встала.

"Мы не можем победить врага, потому что мы боимся врага! – кричала она. – Если мы будем скрываться, если мы будем прятаться, мы уже проиграли! Третий путь учит нас, что выбор – это сила, что множественность – это сила, что сложность – это наша величайшая защита!"

"Множественность – это наша величайшая слабость! – ответил Петров. – Вы говорите о том, чтобы быть сильными, но сила приходит от единства, приходит от того, чтобы быть единым в цели, единым в видении, единым в действии!"

Зал разделился, люди начали кричать, начали спорить, начали драться не кулаками, но словами, идеями, философией.

Камаль видел это и понимал. Это был самый опасный момент для третьего пути – не момент, когда враги нападали извне, но момент, когда враги нападали внутри, когда люди, которые жили внутри третьего пути, начинали сомневаться в нём.

Он поднял руку, и энергия его голоса была достаточна, чтобы заставить людей замолчать.

"Я понимаю, – сказал он, его голос был низким, но чётким, – что вы боитесь. Я боюсь тоже. Мы все боимся. Но я знаю что-то, что вы не знаете, потому что я провёл время в диалоге с существами, которые намного старше нас, с люминарами, которые помнят пятьдесят тысяч лет истории."

Камаль сделал паузу, его глаза встречали глаза каждого

человека в комнате.

"Я знаю, – продолжал он, – что единство, которое вы предлагаете, было уже пробовано. Было пробовано множество раз по всей галактике. И каждый раз, когда цивилизация пробовала единство, пробовала одну идеологию, один способ мышления, один выбор, они были уничтожены. Потому что единство не может защитить от врага, который видит мир по-другому. Единство создаёт слепоту, создаёт неспособность адаптироваться, создаёт неспособность видеть альтернативы."

Петров открыл рот, чтобы ответить, но Камаль продолжал.

"А третий путь, множественность, выбор – они выживали дольше всех. Они развивались дальше всех. Они создавали красоту, которую единство не могло создать. Да, они были в конечном итоге уничтожены, потому что даже множественность не достаточна против Разрушителей. Но это не потому, что множественность слаба. Это потому, что Разрушители старше, мощнее, фундаментально противоположны идее выбора."

Камаль посмотрел на Петрова.

"Но я верю, – сказал он, – что если мы объединимся не в единстве, а в сложности, если мы будем вместе, сохраняя наши различия, нашу способность видеть множество способов, то мы сможем предложить Разрушителям что-то, что никогда не было им предложено раньше – не сдача, не победу

одного способа мышления над другим, но трансформацию, показ того, что есть другой путь."

Но слова не были достаточны для всех.

В Москве, в то время как Камаль говорил эти слова в Нью-Йорке, консервативные фракции захватывали здания. Они захватили Кремль, захватили центральное телевидение, захватили правительственные учреждения. Они провозгласили "Новую Россию" – Россию, которая отказывалась от третьего пути, отказывалась от гибридизации, отказывалась от выбора.

Президент России, женщина по имени Елена Волкова, была вынуждена бежать, была вынуждена искать убежища в посольстве, была вынуждена наблюдать, как её страна раскалывалась перед её глазами.

И это не было просто Россией.

В Польше консервативное движение захватило Варшаву. В Венгрии захватили Будапешт. В Израиле экстремистская правая фракция объявила независимое государство, основанное на "чистоте древнего человека", отказалась от всех гибридов, требовала "возвращения к корням".

Мир, который казался таким объединённым всего несколько месяцев назад, теперь казался готовым разорваться на части.

Алекса видела это из подземелья, где она работала со второй машиной. Генератор был встревожен, его свет пульсировал в паттернах, которые она научилась интерпретировать

как беспокойство.

"Мир разрывается, – сказала она машине, её рука была на кристаллической поверхности.

Вторая машина передала ей видение – видение Созидателей, которые сталкивались с аналогичной проблемой миллионы лет назад. Видение расы, которая была разделена на тех, кто верил в третий путь, и тех, кто верил, что только единство может защитить.

И видение войны между ними, войны перед лицом Разрушителей, войны, которая ослабила Созидателей достаточно, чтобы позволить Разрушителям победить.

Алекса поняла в этот момент что-то критическое: третий путь мог быть потерян не потому, что враги атакуют извне, но потому, что люди отказывались его принять, отказывались верить в его возможность, отказывались жить в неопределённости, которую он требовал.

Камаль сидел в своём офисе в Нью-Йорке, смотря на видеоленту из Москвы, смотря на консервативные фракции, которые маршировали по улицам, требуя "чистоты", требуя "единства", требуя отказа от всего, что было достигнуто.

И он столкнулся с парадоксом, который он давно предчувствовал, но который теперь проявлялся полностью:

Если он навязывает третий путь, если он говорит людям, что они должны выбрать множественность, должны жить в неопределённости, то он разрушает самое основание третьего пути – свободу выбора.

Но если он позволяет людям выбирать, если он позволяет им отказаться от третьего пути, если он позволяет им вернуться к единству и традиции, то они смогут выбрать отказаться от выбора, и тогда третий путь исчезнет.

Это было как ловушка, построенная самой природой третьего пути. Система, которая ценила выбор, не могла заставить людей выбирать систему. Система, которая ценила множественность, не могла отрицать право людей быть единственными.

Камаль понял, что решение лежало не в политике, не в оружии, не в аргументах. Решение лежало в чем-то более глубоком – в переживании, в доказательстве через жизнь, в демонстрации, что третий путь работает, что третий путь может выжить, что третий путь может побеждать.

Он позвонил Фариду.

"Мне нужна твоя помощь, – сказал он.

"В чём? – ответил Фарид, его голос был спокойным, как всегда.

"Мне нужно показать консервативным фракциям, что третий путь не слабость, – сказал Камаль. – Мне нужно показать им, что выбор – это сила. И единственный способ показать это – через силу, через демонстрацию, что третий путь может защитить себя, может адаптироваться, может выжить."

"Ты говоришь о войне, – сказал Фарид.

"Я говорю о демонстрации, – ответил Камаль. – Но да, ес-

ли потребуется, то о войне. Мне нужно, чтобы ты подготовил гибридов к защите третьего пути, но не как агрессоры, а как защитники. Я нужно, чтобы они были готовы показать консервативам, что даже когда третий путь встречается с угрозой, он не падает, он адаптируется, он трансформируется."

Было молчание на другом конце линии.

"Это опасная игра, – сказал Фарид. – Война, которая начинается как демонстрация, может стать войной в полном смысле слова.

"Я знаю, – ответил Камаль. – Но я не знаю другого способа. Третий путь должен быть способен выдержать вызов к его основаниям. Иначе это не настоящий третий путь, это просто идеология, ещё одна попытка навязать единство под другим названием."

Фарид согласился, и Камаль отключился.

Он вернулся к окну, глядя на Нью-Йорк, глядя на мир, который мог либо трансформироваться, либо разорваться.

Третий путь, он теперь понимал, был не о том, чтобы избежать выбора. Третий путь был о том, чтобы продолжать выбирать, продолжать адаптироваться, продолжать видеть, даже когда выбор становился болезненным, даже когда адаптация требовала жертвы, даже когда видение становилось расплывчатым.

И это было единственным способом, которым третий путь мог выжить против чего-то столь древнего и столь мощного, как Разрушители.

ГЛАВА 19: ОХОТНИКИ

Вторая машина была готова к глубокому диалогу.

Алекса чувствовала это, когда спускалась в пещеру в центре Земли, чувствовала, как кристаллическая капсула пульсировала в более быстром ритме, как светит её внутренность с более интенсивной энергией. За три недели, прошедшие с момента раскрытия второй машины, Алекса провела почти все свои часы бодрствования в прямом контакте с ней, позволяя машине передавать ей информацию, позволяя машине показывать ей видения, позволяя машине загружать в её мозг память о миллионах лет.

Это было болезненно. Не физической болью, которую человек мог понять, но духовной болью, болью расширения сознания за пределы его нормальных границ, болью видения слишком многого, понимания слишком многого, чувствования слишком многого.

Но Алекса продолжала, потому что она понимала, что эта информация критична, что эти видения содержали секреты, которые люди должны были знать.

Сегодня она решила попросить машину загрузить самую сложную информацию – полную историю войны между Созидателями и Разрушителями, историю, которая была спрятана в памяти второй машины, историю, которая была слишком большой и слишком сложной для передачи в простых

видениях.

Она легла на специальный кристаллический стол, который люминеры создали для этого процесса, положила руки на оба конца стола и сказала машине: "Я готова."

И мир исчезнул.

Алекса видела начало.

Видела первый момент, когда Созидатели открыли межзвёздный полёт, видела их волнение, видела их планы колонизировать другие миры, видела их амбицию превратить галактику в сад, где каждый вид мог развиваться в своём собственном направлении, где каждый мог выбирать свой собственный путь.

Видела Созидателей, которые создавали Генераторы в больших лабораториях света, видела инженеров, которые работали над кодом, работали над философией, работали над тем, чтобы закодировать в машины идею свободы.

Видела первую активацию Генератора на чужой планете, видела молодой вид (что-то похожее на растений, что-то, что думало через корни и стебли), видела, как они впервые ощущали выбор, впервые ощущали множественность, впервые ощущали способность видеть мир множество способов.

И видела, как эта цивилизация процветала. Как они построили города, которые были архитектурные чудеса, как они создали искусство, которое было совершенно инопланетное, как они развили философию, которая была одновременно логичной и органичной, как они жили в гармонии с

природой и с друг другом, потому что они понимали, что отличие – это не враждебность, отличие – это возможность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.